

2. Кляшторный С.Г., Султанов Ф.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2000.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.
4. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995.
5. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
6. Масложенко Д.Н. Генеалогические легенды как фактор захвата власти (к проблеме ценности рода в кочевых обществах монгольского времени) (в печати).
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937.
8. Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV- XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999.
9. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси XVIII в. Кн.2. М., 1989.
10. Де Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М., 1997.
11. Трепавлов В.В. Генеалогические легенды в Дешт-и Кипчак XV-XVI вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001.
12. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Менщиков В.В.

**Историческая локализация (микроистория)
в системе гуманитарного знания**

Рассуждения о кризисе современного гуманитарного знания и методологии истории стали сегодня «общим местом», что, впрочем, не снижает актуальности данной проблемы. В этих условиях происходит активное развитие самых разнообразных методологических подходов. Одним из наиболее перспективных, по нашему глубокому убеждению, является историческая локализация. Возникшее еще в годы «перестройки» ощущение эвристической ограниченности универсалистских концепций (например, марксистской социологии) с неизбежностью вывело гуманитарное знание на изучение локальных исторических объектов. Отметим, что подобное направление стало развиваться в рамках западноевропейской историографии еще в 1970-х гг., прежде всего в работах ряда итальянских историков, получивших общее название «микроистория» (1).

Историческая локализация (этот термин, на наш взгляд, более четко фиксирует его конкретное содержание, чем микроистория, хотя в рамках данной статьи эти понятия используются как синонимичные), как научное направление чаще всего ассоциируется в отечественной историографии с историческим краеведением, как оппозиция по отношению к изучению глобальных, по крайней мере, национального масштаба, процессов. Однако это не совсем адекватно отражает ситуацию, поскольку предметная область данного направления значительно шире и включает в себя локальные объекты самого разного масштаба от конкретного человека до целого региона. При этом термин «локальность» может пониматься не только в территориальном и человеческом измерении, но и во временном аспекте (причем не только как исследовательский объект ис-

тории, но и других наук). Тем самым локальный исторический объект приобретает самостоятельный онтологический статус. Как отмечает отечественная исследовательница Г.Э. Галанова: «В рамках классического подхода к проблемам культуры рассматривалось, прежде всего, общественное бытие человека. Частное, понимаемое как частичное и случайное, исключалось из рассмотрения, преобладал интерес ко всеобщему. Неклассический подход характеризуется, во-первых, интересом к повседневности и, во-вторых, возникновением интереса к случайному и в этой связи к теме “маленького человека” и его частной жизни. В корне изменения представлений о бытии и оппозиции “существенное – несущественное” лежит онтологический поворот, произошедший в рамках неклассической философии» (2). Существенным оказывается все, «Всемирная история», которая по своему статусу вынуждена и должна абстрагироваться от частных фактов, распадается на мириады равносущественных событий. Сам термин глобальность превращается в фикцию.

Однако, по нашему мнению, это лишь видимость. Глобальность как определенный масштаб рассмотрения человеческой истории все-таки имеет место, историк вправе ставить перед собой и решать задачи макроисторического масштаба, так без него невозможно адекватно описать, например, такие явления как мировые войны или процессы современной глобализации. В этой связи очень точно характеризуют внутренний смысл исторической локалистики или микроистории слова Ж. Ревеля: «Микроистория, вводя разнообразные и множественные контексты, постулирует, что каждый исторический актер участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты. Здесь нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления друг другу. Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, - а есть другой образ» (3). Видимо в этом соединении авторского видения несхожих образов и может возникнуть ощущение тотальности истории (соединение макро- и микроисторического масштаба), обозначаемого Ж. Ревелем как «конкретный облик глобальной истории».

В рамках отечественной историографии наибольшего развития идеи исторической локалистики получили в рамках так называемой исторической регионалистики (4), так как одним из важнейших постулатов этого направления является тезис о невозможности редукционистского сведения национальной истории (макроисторический аспект) к совокупности региональных историй (микроисторический аспект). Так К.И. Зубков

пишет: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой как «часть» и «целое»... Чисто феноменологически это выглядит именно так, но только феноменологически... Поэтому исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с *разным бытийным наполнением исторического времени*» (5). Таким образом, на региональном и национальном уровнях исследования историк сталкивается с различиями. Одновременно справедливым будет утверждение о том, что любое событие, попадающее в поле зрения историка, может быть наполнено разным значением в зависимости от рассматриваемого контекста. Но своеобразной сверхзадачей историка в этих условиях становится поиск пересечения или возможного взаимодействия указанных контекстов.

В отношении современного отечественного краеведения можно с достаточной степенью уверенности говорить о сохранении в конкретных эмпирических исследованиях макроисторического контекста. Краеведческий материал выступает скорее в виде иллюстраций, прежде всего, социально-экономических процессов национально-государственного масштаба. Исключение могут составлять, пожалуй, лишь активно развивающиеся сегодня генеалогические исследования, в которых история отдельного рода, конкретной семьи и человека приобретают самостоятельное значение (6). Тем не менее, историческое краеведение все-таки может выступить в современных условиях своеобразной «стартовой площадкой» для отработки методов исторической локалистики (микроистории), так как накопленный первичный фактический материал позволяет сделать это.

1. Группа итальянских историков, публиковавшихся в основном на страницах журнала «Quaderni storici». См., например: Grendi E. Micro-analisi e storia sociale// Quaderni storici. 1977. №35; Ginzburg C., Poni C. Il nome et il come. Mercato storiografico e scambio disuguale// Quaderni storici. 1979. №40.

2. Галанова Г.Э. Постмодернистские тенденции в развитии современной истории и проблема частной жизни // <http://old.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal7/>

3. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального// <http://www.tuad.nsk.ru/~history/>

4. Алексеев В.В., Артемов Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы// Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. №3.

5. Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях// Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетия. Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 22.

6. См., например: Зауральская генеалогия. Сборник научных трудов/ Отв. редактор Свищев П.А. Курган, 2000.